

ражение» потерпел начальник училища в тяжбе с фронтовиками, отнявшими у него боевое, отлично сколоченное, подразделение вместе с командиром капитаном Поповым.

И штаб ВВС Военно-Морского Флота в сентябре 1941 года принял решение перебазировать училище в город Моздок.

Мы вернемся, море!

В тот год месяц сентябрь, лучший месяц кубанского лета — нежаркий, богатый красками и плодами, казался морякам-летчикам и тем, кто провожал их в дорогу, бесконечно длинным. Все, что можно было поднять и переставить за семьсот километров в сторону от Ейска, — поднималось и двигалось.

Двести семьдесят четыре самолета, более двухсот автомашин, девятьсот семьдесят пять железнодорожных вагонов (семнадцать эшелонов) с военным имуществом, личным составом и семьями военнослужащих уходили на юго-восток. В пути железнодорожные эшелоны и автоколонны подвергались бомбардировкам вражеской авиации. Все, что можно было спасти от огня и подобрать во время эвакуации, спасали и подбирали молодые авиационные специалисты, курсанты. Они — руки и щит наземных эшелонов. Они, еще не просоленные морскими ветрами, со слезами на глазах клялись, когда покидали родное гнездо:

— Мы вернемся, море! — Срывали с себя бескозырки, самое дорогое, и бросали в море, чтобы вернуться непременно.

В Моздоке морским летчикам часто снилось капитально свитое их заботами ейское гнездо: уютные кубрики, просторные классы, гулкие коридоры штаба, светлые дома начсостава. Также им виделся во сне и клуб с привлекающим к нему парком. С этими местами у каждого из них было связано что-то сугубо личное. По ночам морским летчикам виделись срубленные гитлеровцами топо-

ля, что посадили недалеко от входа в учебно-летный отдел воспитанники «Ейского», герои боев с белофиннами В. И. Раков и Ф. Н. Радус.

На новом месте помогли училищу закрепиться местные партийные и советские органы. Штаб разместился в помещении детского сада, службам тыла отвели дом, учебно-летному отделу — здание школы.

Под аэродром выделили ровное поле за городом, на берегу шумного Терека. Личный состав эскадрилий жил в землянках, вырытых недалеко от стоянок самолетов. Осенью, в распутицу, из-за отсутствия дорог эскадрильи испытывали острый недостаток в продовольствии, вещевом и техническом имуществе. Однако винты боевых машин крутились непрерывно и качество подготовки курсантов не снижалось ни на йоту. Не прекращались и работы по строительству оборонительных сооружений. С июля по декабрь 1941 года личным составом училища было вырыто и построено одиннадцать командных пунктов, 428 капониров, оборудовано 76 огневых позиций, 146 щелей, 126 землянок. Другими словами — было поднято и перенесено на себе 96 000 кубических метров грунта.

Зима 1942 года выдалась далеко не южная. Она ставила авиаторам свои барьеры. «Тяжелый труд выпал на долю технического состава, — писала тогда многотиражка. — Чтобы не сорвать плановую таблицу полетов, технический состав поднимается на полтора часа раньше общего распорядка и к началу полетов успевает очистить капониры от снега, выкатить на старт машины, осмотреть их и разогреть моторы. Не было ни одного случая, когда бы техника простаивала по вине наших авиационных специалистов...».

В ту пору училище работало на сухопутных самолетах «У-2», «УТ-2», «УТИ-4», «И-16», «ЯК-1», «ЛАГГ-3». «Поточная система», предложенная инструкторами, оправдывала себя. Эскадрильи ежедневно выдавали фронту по десять-двенадцать летчиков-истребителей. Выпускников нередко обмундировывали на старте, сажали в «ЛИ-2» и отправляли в части ВВС, флотов, порой сразу же на фронт, где им предстояло с ходу вступать в бой. И в первом же неучебном воздушном бою драться с опытным, натренированным в стрельбе по живым мишеням врагом.

Вот пример «поточного» обучения курсантов.

В июне 1942 года летная группа летчика-инструктора

Николая Федоровича Мясникова закончила полеты по кругу и приступила к тренировкам в зоне. Инструктору была поставлена задача: за 5 летних дней закончить подготовку курсантов по всем упражнениям боевого применения.

Мясников затянул потуже брючный ремень и взялся за дело. Ему предстояло за пять дней научить пятерых молодых парней ходить строем в боевых порядках звена и пары, стрелять по щитам, барражировать над объектом, вести воздушный бой. Для выполнения этой трудной задачи инструктору Мясникову командование выделило, отобрав у других, 6 боевых самолетов-истребителей. Каждый курсант налетывал в день 4—5 часов, инструктор — 8—10 часов. Инструктора качало, когда он возвращался со старта. Зато ровно через пять дней, в субботу, все пять курсантов успешно сдали зачет. Их тут же погрузили в «ЛИ-2» и повезли на фронт.

В 1943 году Н. Ф. Мясников подготовил по программе военного времени 80 летчиков, за что получил орден Красной Звезды. На счету Николая Федоровича — боевые вылеты на прикрытие аэроузла и города Ейска. Он, Николай Федорович Мясников, в последние часы эвакуации училища угнал из-под носа противника 20 учебно-тренировочных одноместных самолетов «УТ-1».

То был жаркий, очень жаркий и суматошный день. Враг приближался к Ейску, почти непрерывно бомбил все, что еще оставалось в авиагородке и на аэродроме. Оставалось уже немного. В первую очередь командование училища вывело из-под удара семьи военнослужащих, ценное имущество, боевую технику. Самолеты могли доставить в Моздок только летчики. Их не хватало. Двадцать «УТ-1», готовых к дальнему перелету, должны были сгореть в огне или достаться врагу. Из числа ранее летавших курсантов (по никогда прежде даже не сидевших в «УТ-1»). Мясников сколотил отряд, отряд отчаянных парней, готовых на все. Они знали: «УТ-1» — строг, очень строг на посадке, в полете при малейших ошибках срывается в штопор, и очень внимательно слушали получасовой инструктаж-лекцию Мясникова по эксплуатации одноместной тренировочной машины на земле и в воздухе. С помощью Мясникова курсанты-летчики запустили моторы машин, в которые они сели впервые, и, по сигналу Мясникова, порулили на взлетную.

В полете курсанты жались к инструктору, точно к на-

седке цыплята, напуганные тенью ястреба. Вел он их осторожно. И лишь одного потерял, вместе с машиной, в том трудном и долгом пути на юго-восток.

Николай Федорович Мясников вырос в училище от курсанта до командира полка реактивных самолетов. Сейчас он в запасе. Полковник запаса.

Может возникнуть вопрос: «А долго ли воевали скоро-спелые истребители?» В большинстве своем — да!

Какими были курсанты, отбিরавшиеся в «поточную систему»? Как определялась степень их зрелости — видно из воспоминаний Героя Советского Союза Игоря Каберова, окончившего училище в начале войны.

Прежде несколько слов о самом Каберове, курсанте. «Летную и теоретическую программу усваивал легко. Осмотрительность и ориентировка в воздухе безупречные. Хороший спортсмен. Прекрасно играет на музыкальных инструментах. Неплохо поет и пляшет. Редактировал стенную газету. Пишет стихи».

Это — из характеристики на Каберова, которую дало ему училище. А вот Игорь Каберов рассказывает:

«Я страстно любил летать и хотел в совершенстве овладеть высшим пилотажем, стрельбой по наземным щитам по конусу, умением побеждать противника в воздушном бою.

Всему этому меня научили в Ейском училище. И мне не терпелось попасть на фронт. Однажды к нам на старт прилетел командующий морской авиацией генерал Жаворонков. Командир, выстроив эскадрилью, доложил ему, как идут полеты. Генерал поздоровался со всеми и стал обходить строй. Подойдя к левому флангу, он остановил взгляд на мне и спросил командира эскадрильи, почему он разрешает находиться на старте воспитанникам (приняв меня за воспитанника).

Я был мал ростом и при построениях занимал место на левом фланге... Слышу, командир отвечает: «Он не воспитанник, товарищ генерал, — курсант. И, кстати, отлично летает».

Тогда командующий обратился ко мне:

— Это правда?

— Правда! — отвечаю.

— Не может быть, — улыбнулся и продолжал шутливо, — вы же педалей ногами не достанете.

— Достану, товарищ генерал, когда вытяну ноги на полную мощность.

Он снова оглядел меня и приказал командиру эскадрильи сейчас же выпустить курсанта Каберова в воздух с заданием выполнить над аэродромом весь зачетный пилотаж.

И вот я в воздухе на самолете «И-16». Выполнил задание, произвел посадку и пошел докладывать. Командующий поблагодарил меня за высокое летное мастерство и сказал:

— Учить достаточно. На фронт. Куда вы желаете поехать воевать?

— На Балтику,— отвечаю.— Хочу защищать город Ленина...

Так я стал балтийским летчиком».

Вместе с Игорем Каберовым уехали защищать Ленинград его однокашники, тоже «скороспелки», Батурин, Михайлов, Никольский. Всем им за подвиги в боях с фашистскими захватчиками было присвоено звание Героя Советского Союза.

Война вносила свои поправки в жизнь училища и в подбор руководящих кадров. Учить и учиться тому, только тому, что требуется на войне,— приказала она.

В 1942 году училище приняли генерал-майор авиации И. В. Рожков и бригадный комиссар С. С. Бессонов. На должность командиров учебных эскадрилий стали прибывать фронтовые летчики. Инструкторов начали направлять в Действующую армию, на стажировку, приобретать боевой опыт. Возвращались инструкторы быстро. Их берегли и не позволяли длительно оставаться на фронте. Боевой опыт летчики-инструкторы передавали курсантам. Ездили на фронт стажироваться и преподаватели УЛО (учебно-летный отдел). В связи с этим училище получило возможность еще в Моздоке полностью выполнить требования сурового военного времени.

Однако обстановка на фронтах, несмотря на героическое сопротивление советских войск, все еще складывалась не в нашу пользу. Озверелый враг, рвавшийся к бакинской нефти, уже вступил на Кавказ.

В том же 1942 году в училище прошли два партийных актива и один комсомольский. Все они были направлены на поиски средств и возможностей, которые не только бы не давали снижать рост молодых летчиков, но и повышали бы выпуск их изо дня в день, помогали бы поднимать моральный дух личного состава, работоспособность командиров и преподавателей.

Враг уже подходил к Моздоку. И снова, как в начале войны, во все инстанции посыпались рапорты с просьбой отправить на фронт. Это было, конечно, ошибкой некоторых товарищей. Училище обязано было сохранять свои кадры.

Людей, рвавшихся на фронт, брали, так сказать, на особый учет, много с ними работали индивидуально. Велась эта работа усиленно всем личным составом училища, которое готовилось еще к одному, теперь уже очень дальнему переходу.